

ОДЕНЬ ПАМЯТИ

ПОТРЕБНОСТЬ ДУШИ

БЛАГОРОДЕН СМЫСЛ КОГДА-ТО СКАЗАННОГО: СЛАВА ПРЕДКОВ—СВЯТАЯ СВЯТЫХ. ИМЕННО БЕРЕЖНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДУХОВНОМУ НАСЛЕДИЮ ПОВЫШАЕТ ЧУТКОСТЬ К ЗОВУ ВРЕМЕН. А ВРЕМЯ ТРЕБУЕТ ПОДУМАТЬ, ПОРАЗМЫСЛИТЬ О ПОДЛИННОМ ЗНАЧЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПАМЯТИ. В ЧЕМ И КАК ПРОЯВЛЯЕТСЯ ОНА? НЕ ОКАЗЫВАЕТ ЛИ ТУТ ВЛИЯНИЕ ИНЕРЦИЯ, ВОЗНИКШАЯ В РУСЛЕ ПРИВЫЧНОГО, ПРИМЕЛЬКАВШЕГОСЯ?

НИКОЛАЙ Яковлевич Марр, всемирно известный ученый, полвека тому назад потрясенный грузинским спектаклем, оставил следующую запись: «Слушал, смотрел и почувствовал себя побежденным, как ученый. Видел актера-победителя. Стало очень грустно от сознания того, насколько я и мои коллеги оказались отстающими. Мы с нашими научными трудами не сумели приблизиться к массам и приобщить их к научным идеям, которым посвящены наши труды. Актер это смог: исключительной живостью своего языка, слова, жеста, совершенно не подражаемой пластикой. Метко сказано у Руставели, что поэзия — добавлю — и искусство актера — «отрасль мудрости».

Ушанги Чхеидзе — вот первое имя, которое при этом всплывает в памяти. В летописи грузинского театра не найти нам другую жизнь, в столь короткий миг вместившую такое эстетически яркое, общественно значимое и глубоко философское содержание.

Естественно желание почтить память актера, пойти в мемориальный музей. Но удивительно был нарушен мой эле-

гический настрой, когда благодаря любезности директора музея, заслуженной артистки республики Нино Чхеидзе, сестры Ушанги Викторовича, довелось ознакомиться с совершенно неизвестным конспектом лекции по истории философии, записанным убористым, четким почерком прославленного актера.

Листая страницы записей, я чувствовал себя у бездонного кладезя пицци для дум и размышлений. Все известное до сих пор о человеке-актере: включая мое личное впечатление юного зрителя от спектакля «Какал гулши» Ш. Дадиани и последний короткий разговор по телефону и, конечно, все прочитанное, передуманное о нем, вдруг обрели совершенно иное, поразительное по впечатляемости освещение.

Сколько раз всматривались мы в бесстрашного Годуна — Ушанги, и тем не менее какую

интенсивность значения обретает давно знакомая фотография в сочетании с конкретными данными о том, что, воплотив на родной сцене героя классики советской драматургии «Разлом» Б. Лавренива, великий грузинский актер шел к образу русского коммуниста, штудирова Маркса, его тезисы о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». К каким интереснейшим выводам подводит нас создатель ослепительно яркого образа Уриэля Акости — человек, изучающий «Этику» Спинозы. Сколько новых граней можно вычленил в творческом и человеческом облике первого Гамлета на грузинской советской сцене, с таким усердием конспектирующего Бекона и Гегеля.

И с какой внутренней последовательностью выстраивают-

ся звенья единой цепи жизни, столь стремительно сгоревшей во имя высших озарений.

...На одной из выездных сессий научно-исследовательского сектора театра и кино Грузинского театрального института от руководителя одного из районов республики довелось услышать: «В конце сорок первого, когда мать ждала ребенка, пришло письмо, в котором отец просил уважить его просьбу фронтовика, и если родится малыш, то в честь Ушанги Чхеидзе дать ему имя... Гамлет».

А вот несколько строк из рассказа ветерана труда, не обыкновенного мастера, настоящего волшебника художественно-постановочной части театра Руставели Ивана Меликсетова: «Какой это был актер... Вы знаете, сколько раз я перепроверял декорационную установку. Все старался предусмотреть, думал, как бы улуч-

шить станок, по которому можно совершенно бесшумно двигаться. Когда на сцене появлялся Гамлет, зал замирал и наступала такая тишина, что малейший скрип настила, по которому ступала нога Ушанги, мог окончиться моим инфарктом».

И это не преувеличение, а искреннее признание.

Вот сколь не случайными оказываются пути, ведущие к пониманию истоков новой психологии творчества.

Имя Ушанги Чхеидзе — одно из самых ярких в грузинском театре периода эпохального обновления и творческого взлета, рожденного реформаторской деятельностью Котэ Марджанишвили и Сандро Ахметели. Вот почему значение философских заметок Ушанги Чхеидзе самоочевидно для истории становления принципиально нового типа сценического творца.

«Ценностное сознание живет подробностями. О том, что нам дорого, мы хотим знать все», — пишет доктор философских наук Арсений Гулыга. Как это верно: о подлинно дорогом хочется знать все. Как же так? Интереснейшая, принципиально важная страница формирования гражданского самосознания, интеллектуального, идейного становления личности такого актера становится известной на тридцатом году после его кончины. Вот она инерция сложившегося представления, понимание светлой памяти, как дани. Тогда как начало всех начал и гвоздь вопроса в том, как понимать умом и как чувствовать сердцем современность.

Листики календаря напоминают нам о беге времени. Но ведь в каждом дне — шаг. И как его понимать, если это не шаг из вчера в завтра.

Хорошо известно, что судьба каждого шага зависит от опоры.

Это естественно возникающая высокая потребность человеческой души в опоре предопределяет направление, точность движения к будущему.

Михаил ГИЖИМКРЕЛИ.